

Женщины в политике: укорененность как фактор гендерного представительства

Надежда А. Бальбот

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, 4454508@gmail.com*

Ольга В. Крыштановская

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, olgakrysht@ya.ru*

Аннотация. Целью данного исследования является выявление степени укорененности женщин в современной российской политической элите как одного из факторов их содержательного представительства. Методом ретроспективного биографического анализа были выделены особенности укоренения женщин отдельно для каждой из ветвей власти. База данных исследования содержала всех женщин-политиков, входящих в действующую элиту на 1 октября 2022 г. Выявлен пул укорененных в политику женщин, набирающих политический вес и опыт. Они не имеют признаков маргинального положения и символического представительства, занимают значимое положение в иерархии политических должностей, обладают высоким уровнем образования и профессиональных компетенций, имеют обширный бэкграунд в системе государственного управления и возможности накопления весомого социального капитала. Также выявлено, что для потенциально укорененных женщин-политиков карьерные траектории, проходящие через участие в деятельности общественных организаций, позволяют осуществлять быстрый подъем на высшие политические уровни власти. Актуальность работы состоит в том, что анализ показателя укорененности женщин в политической системе был использован для оценки степени символического представительства.

Ключевые слова: политическая элита, гендерное равенство, социальный капитал, государственное управление, символическое представительство, власть, российская политика, парламент

Для цитирования: Бальбот Н.А., Крыштановская О.В. Женщины в политике: укорененность как фактор гендерного представительства // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 4. С. 137–149. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-137-149

Women in politics. Rootedness as a factor of gender representation

Nadezhda A. Balbot

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia, 4454508@gmail.com

Olga V. Kryshtanovskaya

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia, olgakrysht@ya.ru

Abstract. The purpose of the study is to identify the degree of women's rootedness in the modern Russian political elite as one of the factors of their meaningful representation. By the method of retrospective biographic analysis, the specifics of women's rooting were identified separately for each of the branches of government. The database of the study contained all female politicians included in the current elite on October 1, 2022. The results of the work revealed a pool of women rooted in politics, gaining political weight and experience. They have no signs of marginal position and symbolic representation, occupy a significant position in the hierarchy of political positions, have a high level of education and professional competencies, have an extensive background in the system of public administration and the possibility of accumulating significant social capital. It was also revealed that for potentially rooted female politicians, career trajectories passing through participation in the activities of public organizations allow for a rapid rise to the highest political levels of government. The relevance of the work lies in the fact that the analysis of the indicator of women's rootedness in the political system was used to assess the degree of symbolic representation.

Keywords: political elite, gender equality, social capital, public administration, symbolic representation, government, Russian politics, parliament

For citation: Balbot, N.A. and Kryshtanovskaya, O.V. (2024), "Women in politics. Rootedness as a factor of gender representation", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 137–149, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-137-149

Введение

Низкий уровень участия женщин на высших политических уровнях власти является ключевой проблемой гендерной асимметрии во многих странах мира. Еще в 2016 г. в Совете Европы звучали выводы о том, что степень представленности женщин

в политике – показатель реализации ими прав человека, гендерного равенства, социальной справедливости и истинной демократии¹. Множество исследований в области гендерного равноправия и представительства миноритарных групп в политике проводятся с целью обоснования значимости присутствия женщин в политических процессах. При увеличении доли любой группы меньшинств в той или иной сфере встает вопрос об их численном представительстве, качественных особенностях деятельности и взаимосвязи этих факторов.

В соответствии с теорией «критической массы» женщины могут заявлять о себе, только добившись существенного количественного представительства на политическом поле. Женщины как меньшинство могут быть настолько ограничены в своих возможностях, что встает вопрос о их «символическом» представительстве и слабом влиянии на принятие политических решений [Beckwith, Cowell-Meyers 2007]. Исследования показали, что в случае, когда в законодательных органах доля присутствия женщин находится на отметке ниже 15%, законодательные инициативы в интересах женщин не принимаются. В то же время ряд исследователей вместо акцента на количественном присутствии женщин сосредоточены на анализе качественных факторов, которые могут позволить женщинам иметь достаточное влияние. Они приходят к выводам, что значимые изменения в политике могут быть достигнуты и влиятельным меньшинством, которое обладает ресурсами, позволяющими им действовать в своих интересах. Женщины могут быть более активны и успешны, чем мужчины, несмотря на численное доминирование мужчин в политике [McDonald et al. 2004; Bratton 2005].

Среди возможных причин низкого представительства женщин в политических кругах называют слабую поддержку партий, недостаток политического опыта и социального капитала, укоренившиеся стереотипы общественного сознания, институциональные нормы. Насколько существенное представительство интересов женщин в политике зависит от количественного большинства и помогает избежать «символического» присутствия?

¹ Third round of monitoring on the implementation of CM Recommendation Rec (2003)3 on balanced participation of women and men in political and public decision-making; Analytical report – 2016 data. URL: <https://rm.coe.int/analytical-report-data-2016-/1680751a3e> (дата обращения 15 сентября 2024).

Гендерные исследования о роли женщин в политике

Исследуя гендерное представительство в органах власти СССР, ряд ученых приходили к выводу о «символическом» участии женщин в политическом процессе при достаточно значимом количественном представительстве. Г. Силласте фиксировала высокую интеграцию женщин в политику: к 1990 г. женщины занимали около трети руководящих постов в правящей партии [Силласте 1994]. Они достигли максимальной доли, необходимой для создания «критической массы», призванной повлиять на положение женщин. Однако подобная интеграция, действующая благодаря гендерным квотам, не позволяла наблюдать перелом в роли женщин в политическом процессе. По мнению О. Хасбулатовой, участие женщин в управлении государством носило в то время больше декларативный, чем практический характер [Хасбулатова 2018]. Е. Кочкина, анализируя советские гендерные образцы представленности в политике, отмечала признаки маргинального положения женщин, среди которых – рекрутация из рабочих и крестьян, молодой возраст, не титульная национальность, редкое переизбрание на второй и последующие сроки, отсутствие влияния в Верховном Совете СССР. Она утверждала, что представленность женщин носила декоративный характер и не могла рассматриваться как характеристика доступа женщин к власти [Кочкина 2003]. Вышеперечисленные факторы плюс высокая ротация не позволяли женщинам укорениться в политической системе и накопить социальный капитал.

В современной России, по данным на 2022 г., во всей совокупности федеральных органов власти женщины занимают 16% мест, причем в аппарате правительства РФ их всего 8,4% [Крыштановская 2018]. Как мы видим, гендерная асимметрия стала значительно более очевидной по сравнению с показателями советского периода. Почему так произошло? Неужели и сегодня женщины играют в политике лишь декоративную роль?

Показатель укорененности. Методология исследования

Для того чтобы понять, как изменилось положение женщин в политике, в данной статье мы рассмотрим показатель *укорененности* (*embeddedness*). Этот показатель был введен в научный оборот М. Грановеттером [Грановеттер 2004] и широко используется эко-

номистами [Уцци 2007] и социологами [Радаев 1998] для анализа влияния социальных связей на экономическое поведение.

Мы будем понимать под *укорененностью* наличие социальных связей, значимых для принятия политических решений, которое является производной от количества лет, проведенных женщиной на высокостатусных позициях в истеблишменте. Конечно, сама по себе длительность пребывания в политическом поле не говорит об обширных связях прямо, но является их следствием, так как, не будучи включенным в сеть внутриэлитных взаимодействий, политик не может сохранять свои позиции.

В исследовании мы использовали биографические данные 139 женщин-политиков, входящих в действующую элиту РФ на 1 октября 2024 г. Из них 28 занимают высокие посты в органах исполнительной власти, а 111 – в законодательных. Всего в настоящее время политическая элита состоит из 891 чел., выделенных согласно позиционному подходу, и объединяет депутатов обеих палат Федерального Собрания РФ, членов Правительства РФ, руководящих сотрудников Администрации Президента РФ, аппаратов и секретариатов федеральных органов власти, судей Верховного и Конституционного судов. Соотношение мужчин и женщин в элите составляет 84,4 и 15,6% соответственно.

Для оценки степени укорененности были выделены три категории лиц по количеству лет, проведенных на высших политических должностях: а) укорененные (более 10 лет во власти); б) потенциально укорененные (на высоких должностях от семи до десяти лет); в) не укорененные (менее семи лет стажа в элите).

Кроме того, были рассмотрены и учтены годы, проведенные женщиной-политиком в системе государственного управления страной (кратко «Системе»), и ее карьерные траектории. Первоначальная гипотеза заключалась в том, что в электократии доля женщин-новичков, не укорененных во власти, больше, чем в бюрократии, что будет косвенным свидетельством символической роли парламента.

Шкала укорененности

Проанализировав стаж пребывания в элите для женщин-политиков, мы видим, что стаж пребывания на высших государственных постах более десяти лет имеют 34,6% (табл. 1). Причем эта группа состоит из самых возрастных женщин, что вполне логично. Укорененные женщины концентрируются в органах исполнительной власти значительно больше, чем в парламенте. Там их почти в три раза больше, чем среди депутатов.

Таблица 1

Укорененность во власти женщин
в зависимости от ветви власти²

Степень укорененности	Итого в элите, % (n = 139)	В том числе (%)		Средний возраст, лет
		в бюрократии	в электрократии	
Укорененные	34,6	60,0	28,8	63,3
Потенциально укорененные	11,8	4,0	13,5	58,5
Не укорененные	53,7	36,0	57,7	49,0

Однако в ближайшем будущем стабильного роста числа укорененных женщин в этом сегменте ожидать не приходится, так как доля потенциально укорененных женщин составляет лишь 4% от общего числа женщин в бюрократических институтах власти. Более трети женщин пока не укоренились в бюрократической элите, находятся в ней менее семи лет и только начали наращивать свой политический вес.

В электрократии распределение женщин по вертикали укорененности является более равномерным, обновление корпуса здесь более заметно: более половины из них не укоренились, но процент потенциально укорененных несколько выше, чем в бюрократии, и составляет 13,5%. Однако в отличие от бюрократических институтов укорениться женщинам в парламенте будет сложнее. Они больше подвержены угрозе ротации, на которую значительно влияет электоральный потенциал, который они вынуждены подтверждать, регулярно проходя процедуру выборов. Доля тех, кому удалось сохранить за собой посты и наращивать свой потенциал, составляет менее трети от общего числа женщин – членов российского парламента (28,8%).

В среднем женщине удается укорениться в политической элите за чуть более девяти лет. Медианное значение составляют 5,5 лет, что говорит о неравномерности процесса. Средний возраст женщин-политиков в целом увеличивается пропорционально степени укорененности, что говорит о необходимости накапливать потенциал для наращивания связей, что требует длительных усилий.

Средний возраст входа в политическую элиту для женщин-политиков составляет на сегодня 49,5 лет. Однако есть группа

² Таблицы 1–4 составлены авторами.

молодых женщины, которые получили элитный статус, не имея за спиной весомого опыта работы в системе власти. Самой молодой из группы укорененных является депутат Госдумы Алена Аршинова (38 лет). В пятерку также входят Ольга Тимофеева (46) из ГД и Елена Афанасьева (48) из СФ, члены правительства Виктория Абрамченко (48) и Светлана Родионова (46) (табл. 2).

Таблица 2

Рейтинг укорененных женщин-политиков
по возрасту входа в политическую элиту

ФИО	Орган власти	Возраст (лет)	Возраст входа в элиту (лет)	Количество лет в системе власти
1. Аршинова Алена Игоревна	ГД	38	26	2
2. Афанасьева Елена Владимировна	СФ	48	28	5
3. Голикова Татьяна Алексеевна	Правительство	57	32	8
4. Родионова Светлана Геннадьевна	Правительство	46	32	1
5. Журова Светлана Сергеевна	ГД	51	34	0
6. Тимофеева Ольга Викторовна	ГД	46	34	4
7. Абрамченко Виктория Валериевна	Правительство	48	38	9
8. Глебова Любовь Николаевна	СФ	63	38	2
9. Отке Анна Ивановна	СФ	49	38	5

Опыт в системе государственной власти

Для того чтобы понять, с каким багажом политического опыта и влияния попадают женщины в политическую элиту страны, необходимо подробнее рассмотреть их путь наверх. Для этого проанализируем накопленный до входа в элиту потенциал. Накопить

его можно, имея весомый стаж работы в государственной системе власти³, который позволяет получить не только необходимые знания и управленческий опыт, но и полезные связи (табл. 3).

Таблица 3

Средний стаж пребывания женщин
в системе государственного управления

Показатель	Всего женщин в элите (n = 136)	В том числе (%)	
		в бюрократии	в электократии
Средний возраст женщин (лет)	55,0	55,9	54,8
Средний стаж пребывания в системе (лет)	18,1	20,1	17,6
Средний стаж пребывания в элите (лет)	9,1	12,8	8,3

У женщин-чиновниц путь укоренения в системе власти занимает более 20 лет, в то время как депутатам нужен меньший стаж работы – 17,6 лет. Это демонстрирует необходимость приобретения связей в политическом мире до того, как она займет элитную позицию. Но есть и другие кейсы: некоторым женщинам удается занять высокий пост, минуя опыт работы в системе государственной власти (табл. 4).

Быстрый вход удался трем чиновницам: Вероника Скворцова с руководящих должностей в РГМУ сразу заняла должность заместителя министра здравоохранения в правительстве; Лариса Красавчикова до назначения судьей Конституционного суда РФ была профессором кафедры гражданского права Уральской государственной юридической академии; Александра Левицкая, которая вслед за А. Волошиным возглавила ОАО «Федеральная фондовая корпорация», затем перешла на элитную должность помощника руководителя Администрации Президента РФ, которую возглавил на тот момент ее бывший шеф.

Если рассматривать представительниц бюрократии с небольшим стажем в системе, то в четырех случаях из пяти это жен-

³ Здесь мы имеем в виду занятие должностей, которые не относятся к элитному статусу, например, заместители министров или начальники управления министерств, работа в региональных администрациях или членство в региональных легислатурах.

щины, которые постепенно поднимались до федерального уровня по так называемым эскалаторам в рамках одного ведомства. Примером такого типа бэкграунда может служить карьера Светланы Родионовой, главы Росприроднадзора, которая двигалась по линии силовых структур, или Светланы Андрющенко, поднявшейся по «эскалатору» Федеральной налоговой службы.

Таблица 4

Бэкграунд укорененных женщин-политиков,
предшествующий входу в политическую элиту

Стаж пребывания в системе власти	Всего, % (n = 47)	В том числе (%)	
		в бюрократии (n = 15)	в электократии (n = 32)
Стаж работы в системе до 5 лет	40,4	33,3	40,6
Стаж работы в системе менее 5 лет	46,8	46,7	46,8
Вошла в элиту без опыта работы в системе	12,8	20,0	12,5

Среди женщин-бюрократок с большим стажем пребывания в системе государственной власти можно выделить два типа карьер: это либо те, кто продолжительное время находились на федеральном уровне экономических или силовых ведомств прежде, чем занять элитные посты, либо те, кто продвигались вверх постепенно, начиная с муниципального или регионального уровня системы власти.

Несколько иная картина у представительниц электократии. Избраться в федеральный парламент удается женщинам публичным, которые имели значимые заслуги до начала политической карьеры. Примером служат известная космонавтка С. Савицкая, спортсменка С. Журова, супруга А. Собчака Л. Нарусова и другие.

Небольшое время пребывания в системе власти перед вхождением в элиту отличает тех женщин-политиков, которым удалось подняться в элиту из региональных парламентов. Примером служит карьерный путь Г. Кареловой, О. Тимофеевой, О. Епифановой, В. Пивненко и В. Терешковой. Еще трем женщинам удалось войти в элиту, занимая должности в аппаратах политических партий. Это А. Аршинова (МГЕР) и Е. Афанасьева (ЛДПР). Л. Глебова при этом совмещала работу в партии с должностью советника председателя правительства.

Среди тех, кто пребывал в системе более пяти лет, до того как попасть в элиту, можно выделить пул женщин, которые имеют опыт работы еще в советской номенклатуре (46%), обросли связями в годы перестройки. Практически все они прошли долгий путь от муниципальных и региональных чиновников или депутатов до избрания на федеральный уровень. Так, Г. Хованская, И. Яровая, Р. Кармазина, Т. Гигель, И. Белых, О. Алимова имели электоральный опыт в регионах. Е. Бибикова, Л. Гумерова, О. Казакова, А. Когогина, Е. Перминова занимали долгое время должности муниципальных и региональных чиновников.

Рейтинг депутатов парламента по стажу пребывания в элите показывает, что в российской политике сформировался пул женщин, которые набрали политический вес, имеют богатый политический опыт, поддержку политических партий, успешно переизбираются на протяжении нескольких созывов и не имеют признаков маргинального положения женщин в политике, что опровергает представление тех аналитиков, которые говорят о декоративной роли представительниц слабого пола. Можно выделить следующие закономерности процесса укоренения женщин в политике: их карьеры отличаются долгим (более восьми лет) пребыванием в системе власти, часто их бэкграунд предполагает работу в общественных организациях, что позволяет им проявить свои деловые качества и приобрести полезные связи в мире политики.

Заключение

По итогам исследования выявился пул укорененных в политическую элиту женщин, который составляет 34,6% – они успешно укоренились и накапливают социальный капитал. Они отличаются определенными чертами: это женщины, которым удалось достаточно рано и быстро внедриться в систему благодаря непотическим и клиентелистским связям. Большинству женщин приходится проходить долгий путь укоренения в государственной системе. Им помогало стать частью элиты построение карьеры внутри одного ведомства. Путь в бюрократическую элиту сложнее и занимает больше времени, чем депутатский трек, но тем, кому это удалось, легче закрепиться и наращивать политический вес. Для успеха на выборах женщинам помогает поддержка партии или влиятельных общественных организаций, которые с каждым годом становятся все более эффективными лифтами в политику.

Можно констатировать что в обеих ветвях власти сформировалась группа женщин, набирающих политический вес и опыт

и имеющих перспективы развития. Очевидно, что они не могут считаться «символическими» представительницами слабого пола, а претендуют на полноценное участие в процессе принятия решений. Эти женщины-политики не уступают коллегам мужчинам в уровне образования и профессиональных компетенциях, имеют богатый предшествующий опыт и социальный капитал. Остается только удивляться, почему женщины составляют всего лишь 15% российского истеблишмента и масштаб их представительства не имеет тенденции к росту.

Литература

- Грановеттер 2004 – *Грановеттер М.* Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 131–158.
- Кочкина 2003 – *Кочкина Е.В.* Представительство женщин в структурах власти России, 1917–2002 гг. // Гендерная реконструкция политических систем / Под ред. Н.М. Степанова, М.М. Кириченко, Е.В. Кочкина. СПб.: ИСПГ-Алегей, 2003.
- Крыштановская 2018 – *Крыштановская О.В.* Женщины в российском парламенте // Тетради по консерватизму. 2018. № 4. С. 274–290.
- Радаев 1998 – *Радаев В.В.* Формирование новых российских рынков: Трансакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М.: Центр полит. технологий, 1998. 328 с.
- Силласте 1994 – *Силласте Г.Г.* Женские элиты в России и их особенности // Общественные науки и современность. 1994. № 1. С. 112–121.
- Уцци 2007 – *Уцци Б.* Источники и последствия укорененности для экономической эффективности организаций: влияние сетей // Экон. социология. 2007. Т. 8. № 3. С. 44–60.
- Хасбулатова 2018 – *Хасбулатова О.А.* Технологии создания мифа о равноправии полов: советские практики // Женщина в российском обществе. 2018. № 4 (89). С. 49–59.
- Beckwith, Cowell-Meyers 2007 – *Beckwith K., Cowell-Meyers K.* Sheer Numbers: Critical Representation Thresholds and Women's Political Representation // Perspectives on Politics. 2007. Vol. 5. No 3. С. 553–565.
- Bratton 2005 – *Bratton K.A.* Critical Mass Theory Revisited: The Behavior and Success of Token Women in State Legislatures // Politics & Gender. 2005. № 1 (1). P. 97–125.
- McDonald et al. 2004 – *McDonald T.W., Toussaint L.L. & Schweiger J.A.* The Influence of Social Status on Token Women Leaders' Expectations About Leading Male-Dominated Groups // Sex Roles. 2004. № 50. P. 401–409.

References

- Beckwith, K. and Cowell-Meyers, K. (2007), "Sheer Numbers: Critical Representation Thresholds and Women's Political Representation", *Perspectives on Politics*, vol. 5, no. 3, pp. 553–565.
- Bratton, K.A. (2005), "Critical Mass Theory Revisited: The Behavior and Success of Token Women in State Legislatures", *Politics & Gender*, no. 1 (1), pp. 97–125.
- Granovetter, M. (2004), "Economic action and social structure. An issue of embeddedness", Radaev, V.V. and Dobryakova, M.S. et al. (eds.), *Zapadnaya ekonomicheskaya sotsiologiya: khrestomatiya sovremennoi klassiki* [Western Economic Sociology. A chrestomathy of modern classics], ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 131–158.
- Khasbulatova, O.A. (2018), "Technologies of gender equality myth creation: Soviet practices", *Woman in Russian Society*, no. 4 (89), pp. 49–59.
- Kochkina, E.V. (2003), "Women's representation in the structures of power in Russia, 1917–2002.", Stepanov, N.M., Kirichenko, M.M. and Kochkina, E.V. (eds.), *Gendernaya rekonstruktsiya politicheskikh sistem* [Gender reconstruction of political systems] ISPG–Aletheya St. Petersburg, pp. 975–982.
- Kryshchanovskaya, O.V. (2018), "Women in the Russian parliament", *Tetrady po konservatizmu* [Notebooks on conservatism], no. 4, pp. 274–290.
- McDonald, T.W., Toussaint, L.L. and Schweiger, J.A. (2004), "The Influence of Social Status on Token Women Leaders' Expectations About Leading Male-Dominated Groups", *Sex Roles*, no. 50, pp. 401–409.
- Radaev, V.V. (1998), *Formirovanie novykh rossiiskikh rynkov: Transaktsionnye izderzhki, formy kontrolya i delovaya etika* [Formation of New Russian Markets. Transaction Costs, Forms of Control and Business Ethics], Tsentr politicheskikh tekhnologii, Moscow, Russia.
- Sillaste, G.G. (1994), "Women's elites in Russia and their specifics", *Social Sciences and Contemporary World*, no. 1, pp. 112–121.
- Uzzi, B. (2007), "The sources and consequences of embeddedness for the economic performance of organizations: the network effect", *Economic sociology*, vol. 8, no. 3, pp. 44–60.

Информация об авторах

Надежда А. Бальбот, Научный центр цифровой социологии «Ядов-центр», Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; 4454508@gmail.com

Ольга В. Крыштановская, доктор социологических наук, профессор, Научный центр цифровой социологии «Ядов-центр», Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; olgakryshht@ya.ru

Information about the authors

Nadezhda A. Balbot, Scientific Center for Digital Sociology “Yadov Center”, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; 4454508@gmail.com

Olga V. Kryshchanovskaya, Dr. of Sci. (Sociology), professor, Scientific Center for Digital Sociology “Yadov Center”, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; olgakryshcht@ya.ru